

Тогда, у бабушки Ся, Не Чжэн велел Тун Яню идти домой и ждать решения. Но Тун Янь не питал иллюзий. Покровитель просто пощадил его самолюбие перед старушкой, не желая устраивать сцену. Попытка Тун Яня приползти на коленях и вымолить прощение закончилась ничем. И ладно бы ничем — похоже, в мысленную тетрадочку Не Чжэна добавилась ещё одна жирная галочка напротив его провинностей.

Тем же днём по дороге домой Тун Яню прилетел неожиданный звонок. На экране высветилось имя Белого цветка.

Белый цветок без лишних предисловий спросил:

— Я слышал, что творится в компании. Ну как ты? Держишься ещё?

«Какое, к чёрту, держишься!»

Тун Янь не собирался миндальничать:

— Ближе к делу. Если нечего сказать, проваливай.

Белый цветок вздохнул в трубку:

— Я ведь тебя предупреждал. Господин Не — человек чести. Пытаться влезть к нему в постель грязными путями — только себе могилу рыть. Но ты же никого не слушаешь.

«Этот ублюдок прямо-таки профессионально напрашивается на зуботычину», — Тун Янь злорадно усмехнулся про себя.

Он ответил со злой издёвкой:

— Ладно, сейчас я в дерьме, так что злорадствуй сколько влезет. Только жизнь длинная. Поглядим ещё, кто кого хоронить будет.

Белый цветок занервничал:

— Тун Янь, ты не так понял! Я правда хочу помочь. Послушай, послезавтра после пресс-конференции по случаю начала съёмок «Диких земель» будет банкет. Господин Не точно там появится. Ты можешь пройти со мной под видом моего ассистента. Он ведь благородный человек. Если ты искренне покаешься перед ним, пообещаешь больше так не делать, он, глядишь, и сменит гнев на милость.

Тун Янь наконец всё понял. Этот парень — непробиваемый фанат Не Чжэна. По всему агентству судачили, будто это Не Чжэн затащил Тун Яня в постель, а о том, что парня забанили в индустрии, знали считанные единицы. И всё же Белый цветок умудрялся смотреть

на мир сквозь розовые очки толщиной в бронеплиту и свято верил в кристальную чистоту своего кумира.

Вспомнив, что вся его чёрная полоса началась именно из-за этого недоразумения, Тун Янь решил, что продолжать общение с ним — верх кретинизма.

— Премного благодарен. И сделай одолжение: больше мне не звони. Вообще никогда.

Не слушая жалобный лепет на том конце провода, он нажал на отбой. Для верности зашёл в контакты и решительно отправил номер Белого цветка в чёрный список.

В делах царил полнейший бардак. Вернувшись вечером домой, он прямо с порога услышал тихий плач, доносившийся из спальни.

Тун Янь вопросительно взглянул на мать. Тун Яньянь демонстративно отвернулась и буркнула:

— За стол садись. Быстро.

В такой гнетущей атмосфере кусок в горло не лез. Тун Янь прошёл напрямик в спальню. В тусклом, едва живом свете лампы на кровати лежала бабушка. Она тихо всхлипывала и бессильно колотила ладонью по матрасу:

— Зачем только деньги на лечение тратить... Дайте мне умереть спокойно, хоть обузой вам не буду...

Из-за тонкой перегородки донёсся резкий, визгливый голос Тун Яньянь, готовый пробить потолок:

— Чего развылась раньше смерти? Помирать она собралась! Жить надо, раз уж небо коптишь! Совсем из ума выжила на старости лет!

Бабушка зашлась в новом приступе рыданий. Тун Янь, напустив на себя самый бодрый и весёлый вид, звонко крикнул:

— Бабуль, а вот и твой внук вернулся!

Он поспешно присел на край кровати и принялся мягко гладить её по спине, помогая перевести дыхание.

Ему пришлось вылить целое ведро сладкой лжи — мол, утвердили на отличную роль, денег теперь куры не клюют, переживать вообще не о чем. Кое-как, засыпав старушку обещаниями, он убаюкал её.

После ужина мать ушла мыть посуду, а Тун Янь принялся наводить порядок: вытер стол, подмёл пол. Смахивая остатки еды в мусорное ведро, он скользнул по нему взглядом и замер.

Среди скомканных салфеток и шелухи от семечек тускло поблескивал маленький квадратный пакетик из серебристой фольги.

Эта серебряная упаковка словно раскалённой иглой вонзилась ему в глаза. Он долго стоял неподвижно, не в силах шевельнуться.

Теперь стало кристально ясно, отчего бабушка плакала навзрыд и наотрез отказывалась объяснять причину.

Большую часть ночи Тун Янь проворочался без сна. Наутро, наплевав на гордость и собственное вчерашнее обещание не связываться с Белым цветком, он достал телефон и убрал его из чёрного списка. Жизнь быстро сбивает спесь. Когда у тебя за спиной две зависимые души, право на капризы исчезает само собой. Он просто не мог себе позволить быть гордым.

Несмотря на вчерашнюю выволочку, Белый цветок обрадовался его звонку. Не дав Тун Яню вставить и слова, он быстро продиктовал время и адрес банкета, напоследок строго-настрого наказав не опаздывать.

Тун Янь пришёл минута в минуту. Доверие к Белому цветку равнялось круглому нулю, но это было неважно — парень требовался лишь как пропуск за порог. Оказавшись внутри, Тун Янь мог действовать сам. Однако, обойдя весь зал и наткнувшись на десятки знакомых и незнакомых лиц из агентства, он так и не обнаружил главного человека. Не Чжэна нигде не было.

Зато перед ним как из-под земли вырос директор Чжэн. Он бесцеремонно загородил обзор и процедил:

— А ты что здесь забыл?

Тун Янь, вытянув шею, попытался заглянуть за плечо директора. На противоположном конце зала открылись двери vip-комнаты, и оттуда в плотном кольце свиты величаво vyplыл Лао Не. Но Не Чжэна по-прежнему не было видно.

Директор Чжэн бесцеремонно схватил его за подбородок, возвращая лицо в исходное положение:

— Не Чжэн уехал из города. Он даже на пресс-конференцию сегодня не пришёл. Кто тебе вообще наплёл, что он здесь будет?

Тун Янь онемел от ярости.

Развернувшись на каблуках, он зашагал прочь, едва сдерживая kloкочущий гнев. Проскользнул через чёрный ход банкетного зала. Но Белый цветок увязался следом, тяжело дыша:

— Эй, ты куда?

Тун Янь проигнорировал его. Белый цветок уцепился за его рукав, не отставая:

— Раз уж ты привык прокладывать дорогу через постель, почему бы не переключиться на того, кто не против? Разве это не идеальный шанс?

Под «этим» он, разумеется, подразумевал его репутацию постельного альпиниста.

Тун Янь резко затормозил. Он одарил Белого цветка приторно-сладкой улыбкой, собираясь выдать ему порцию отборного яда, но тут двери распахнулись. Из банкетного зала вышла группа людей. Директор Чжэн с недовольной миной шёл чуть позади, выделяясь среди безликой массовки, а впереди всех шествовали киноимператор Мин и Лао Не.

Взгляд Лао Не скользнул по Тун Яню и внезапно застыл. Пожилой мужчина замер на месте.

«Да ладно, только не это», — мысленно взмолился Тун Янь, каменея под этим липким взглядом.

Они стояли друг напротив друга — дряхлеющий сластолюбец и молодой парень, разделённые парой метров натянутого до предела молчания.

Тун Янь краем глаза заметил, как директор Чжэн мысленно приложил ладонь к лицу. А Лао Не уже сократил дистанцию, остановившись вплотную:

— И кто же у нас этот очаровательный юноша?

Директор Чжэн поспешил вмешаться, предупреждая беду:

— Это Тун Янь. Вы ведь наверняка слышали о недавнем скандале.

Под «недавним скандалом», само собой, понимались упорные слухи о том, как ловко Тун Янь запрыгнул под одеяло к Не Чжэну.

Однако уровень морального разложения Лао Не легко пробил очередное дно. Не сводя с лица Тун Яня похотливого взгляда, он вкрадчиво произнёс:

— Бедное дитя, сколько грязи на тебя вылили... Куда ты направляешься? Позволь мне тебя подвезти.

Когда Не Чжэн предлагал «подвезти», это было сухим делом. Но от этого старого козла веяло совершенно конкретным дерьмом.

«Чего?! Какое подвезти, старый ты хрен! Свита вокруг уже в соляные столпы от стыда

превратилась, а тебе хоть бы хны!»

В этот критический момент среди застывших статистов пробежал шепоток. Кто-то приглушённо произнёс:

— Господин Не.

Для Тун Яня этот голос прозвучал как ангельский хор.

Он резко обернулся. К ним стремительным, уверенным шагом приближался Не Чжэн, а за ним едва успевала секретарь Юань.

Даже спустя годы Тун Янь в мельчайших деталях помнил этот момент. Не Чжэн был в строгом тёмно-сером костюме. На его лице читалась лёгкая усталость долгой дороги, но взгляд оставался острым и холодным как бритва. Стоило ему обвести присутствующих этим ледяным взором, как тяжёлая, давящая аура мгновенно накрыла площадку. Все разговоры разом стихли.

Не Чжэн подошёл вплотную. Его ладонь по-хозяйски легла на поясницу Тун Яня, слегка подталкивая того к себе. Не сводя нечитаемого взгляда с лица собственного отца, он склонился к самому уху парня и тихо, но веско уронил:

— Иди в машину. Жди меня там.

Секретарь Юань тут же сделала шаг вперёд, преграждая дорогу остальным:

— Идёмте со мной.

Тун Янь готов был поклясться, что в его голове заиграли небесные литавры. Не Чжэн не солгал. Его обещание развязать этот узел не было пустой отговоркой.

В глубине души Тун Янь пустил скупую слезу облегчения. Чтобы вот так, прилюдно, Не Чжэн продемонстрировал собственнические замашки и увёл его у всех на глазах... Это что же получается? Его план по завоеванию этой неприступной крепости наконец сработал?

«Да благословит небо господина Не и всех этих идиотов, послуживших отличным катализатором!»

Пусть при свете дня Не Чжэн воротил от него нос, но мужское самолюбие и чистоплотность не позволили бы ему смотреть, как его пусть и бывший любовник перекочёвывает в постель к его похотливому папаше.

Да здравствует иррациональное собственничество и брезгливость благородных господ!

Пока Тун Янь упивался своей неожиданной победой, он даже не заметил, как побледнели некоторые лица в толпе и как у кого-то от зависти едва не подогнулись колени.

Уходя, Тун Янь то и дело оглядывался. Не Чжэн же стоял перед гостями с таким невозмутимым видом, словно никакой безобразной семейной сцены только что не разыгралось.

— Банкет уже начался. Прошу всех в зал, — ровно и безапелляционно произнёс он.

Майбах Не Чжэна ждал на парковке. Спускаясь к нему, Тун Янь невольно поймал себя на мысли, что эта машина выглядит пугающе идеально — ни пылинки на дисках, ни пятнышка на подкрылках. Чёрный лак сверкал на солнце глубоким, почти зеркальным глянцем. В этом безупречном зеркале отражался его собственный, далеко не безупречный силуэт. Полдень слепил глаза, стёкла автомобиля казались глухими провалами пустоты, и хотя внутри никого не было, каждый шаг давался Тун Яню с трудом — будто он шёл по ковровой дорожке под прицелом невидимых трибун.

Он прекрасно понимал, на какую дорожку ступил. Вполне возможно, уже этой ночью ему придётся раздвинуть ноги перед Не Чжэном. Но покровитель есть покровитель, и его пол тут не играл никакой роли.

И всё же он испытывал к этому человеку искреннюю благодарность. Поэтому, когда Не Чжэн наконец спустился и сел в салон, Тун Янь расплылся в самой приветливой улыбке:

— Господин Не.

Не Чжэн опустился на сиденье рядом, едва удостоив его мимолётным взглядом:

— Угу.

Лимузин плавно тронулся. В салоне повисла тяжёлая, гнетущая тишина.

Тун Янь понимал, что разряжать обстановку придётся самому. В этот раз его извинения были вполне искренними:

— Господин Не, я должен попросить прощения за то, что припёрся к бабушке Ся. Не стоило мне беспокоить пожилого человека своими проблемами.

Это заявление заставило Не Чжэна удивлённо приподнять бровь.

Он повернулся к парню. Из-за жары кожа Тун Яня казалась бледнее обычного, а губы на этом фоне горели влажным, алым цветом. Не Чжэн умел анализировать свои поступки. С самой первой встречи внешность этого мальчишки вызывала у него глухое отторжение. Но действительно ли дело было в несовпадении вкусов?

Вовсе нет.

Он привык к эмоциональному штилю и аскетизму, а вызывающая чувственность Тун Яня была по его восприятию слишком сильно, заставляя инстинктивно закрываться. Но судить о человеке по обложке — глупо, оттого он и держался с парнем подчёркнуто вежливо.

Если называть вещи своими именами, его собственный вкус оказался куда более приземлённым и падким на дешёвый блеск, чем он привык думать. Иначе бы он не позволил этому мелкому проныре подобраться так близко. Свернув с правильного пути, следовало как можно скорее на него вернуться. Пусть сейчас обстоятельства вынудили его пригреть под боком это испорченное создание, он использует это как шанс навести порядок в собственной голове.

Не Чжэн прекрасно знал, что Тун Янь из тех людей, кто устроит бурю в стакане воды при малейшем попустительстве, поэтому лишь сухо обронил:

— Понятно.

Тун Янь тут же оживился:

— И куда мы едем?

— К моей матери.

Тун Янь округлил глаза.

«Ничего себе размах! С каких это пор обычную интрижку начинают со знакомства с родителями?»

Но слово покровителя — закон. Он послушно кивнул:

— Хорошо.

И благоразумно прикусил язык.

Вскоре машина оставила город позади. Миновав тенистую аллею, Майбах въехал сквозь кованые ворота на территорию поместья и затормозил перед элегантным особняком.

Тун Янь послушно следовал за Не Чжэном. Гостиная поражала изысканной роскошью — от лепнины на потолке до полированных плитусов. В воздухе витал тонкий аромат сандала, но стоило переступить порог, как по коже пробежал неестественный, могильный холод.

Здесь он впервые воочию увидел госпожу Не. Как и у её сына, в её чертах явно угадывались европейские корни: резкий, скульптурный профиль и серо-голубые глаза. Вот только за маской аристократичного величия скрывалась глубокая, укоренившаяся обида на весь мир.

Тун Янь мысленно готовился к тому, что благородная дама, завидев преемника в постели своего сына, разразится проклятиями или накинется с кулаками. Однако реакция госпожи Не оказалась иной. Стоило ей увидеть вошедшего юношу, как краска мгновенно сошла с её лица, а сама она затрепетала, точно сухой лист под порывом ветра.

Не дожидаясь приветствий, она дрожащим пальцем указала на Тун Яня и глухо спросила у сына:

— Это... кто?

— Привёл показать вам, — невозмутимо ответил Не Чжэн. — Его зовут Тун Янь. Отныне он будет со мной.

Не Чжэн скользнул холодным взглядом по старой няне, стоявшей подле матери:

— Приготовьте обед.

Затем повернулся к Тун Яню:

— Что ты хочешь съесть?

Атмосфера в комнате сгустилась до предела. Тун Янь, чувствуя эти невидимые течения, хотел было пролепетать «мне всё равно», но тяжёлый, пронзительный взгляд Не Чжэна буквально пригвоздил его к месту, требуя чёткого ответа.

Нашупывая зыбкую почву настроения своего покровителя, он выбрал самое простое, домашнее блюдо:

— Жареную свинину с овощами.

Прежде чем хозяйка дома успела раскрыть рот, старая няня высокомерно процедила, глядя прямо на Тун Яня:

— Госпожа соблюдает вегетарианскую диету. Мяса в этом доме нет.

Тун Янь растерялся.

«Ого, неужели классическая сцена притеснения?»

Очередной раунд начался незамедлительно. Не Чжэн, даже не взглянув на няню, обратился к секретарю Юань:

— Няня уже стара, ей нужен покой. Отправьте её на заслуженный отдых и найдите того, кто в состоянии дойти до мясной лавки.

Тун Янь лишился дара речи.

«Вот это характер! Из-за одного неверного слова вышвырнуть личную служанку собственной матери?»

В гостиной поднялся переполох. Старуха, не желая уходить, вцепилась в подол госпожи Не и залилась слезами. Сама хозяйка дома, задыхаясь от гнева и обиды, закричала сыну в лицо:

— Ты совсем с ума сошёл?!

— У меня сегодня плохое настроение, — ровным, безразличным тоном отозвался Не Чжэн.

— И ради своего каприза ты выгоняешь моих людей?! — госпожа Не сорвалась на истеричный визг.

Не Чжэн прищурился. Вперив ледяной взгляд в полные слёз глаза матери, он тихо, но раздельно произнёс:

— Оказывается, вам известно, что нельзя срывать собственную злость на ни в чём не повинных людях. Какое поразительное открытие.

В комнате мгновенно воцарилась мёртвая тишина.

Старую няню всё же увели. Спустя пару минут секретарь Юань ввела в гостиную новую экономку — молодую, аккуратную женщину с мягкой улыбкой.

Поскольку госпожа Не продолжала безутешно рыдать, об обеде не могло быть и речи. Тун Янь поплёлся вслед за боссом обратно к машине. Хотя он и не улавливал сути этой семейной драмы, дураком он не был: Не Чжэн использовал его как удобное оружие против матери.

Да и какая разница, ради чего его использовали? С его-то нынешним шатким положением грех жаловаться. Человек из-за пустякового куска мяса одним движением брови уволил преданную служанку матери. После такого даже эта вечно недовольная физиономия Не Чжэна казалась Тун Яню милейшей на свете.

Стоило дверцам захлопнуться, как Тун Янь, наплевав на всю давящую ауру своего покровителя, резко подался вбок. Он обхватил Не Чжэна за плечи и зарылся носом в его шею, лапаясь словно довольный щенок:

— Господин Не, вы ко мне так добры...

Его «милейший покровитель» мгновенно превратился в каменную глыбу. Лишь колоссальное самообладание и привычка держать лицо в любых ситуациях удержали его от того, чтобы отпрянуть.

Но раздражение скрыть не удалось. Не шевелясь, Не Чжэн скосил глаза на макушку парня и процедил сквозь зубы:

— Сядь нормально.

Не Чжэн прекрасно понимал: Тун Янь не испытывал к нему никаких нежных чувств. И уж тем более мальчишка понятия не имел, какие счёты Не Чжэн только что сводил со своей матерью.

Его поражало другое — пугающая гибкость этого парня перед лицом денег и власти. Способность так легко переступить через гордость и ластиться к тому, кто ещё вчера его уничтожал, была своего рода извращённым талантом.

Машина продолжала стоять во дворе с заведённым двигателем. За тонированными стёклами виднелись фигуры охранников. Убедившись, что Тун Янь сидит смирно, вытянувшись в струнку, Не Чжэн ледяным тоном скомандовал:

— Расскажи мне «Восемь добродетелей и восемь пороков». На память.

Тун Янь растерялся.

«Твою мать, что за извращённые ролевые игры у этого богатея?»

Всё, что он знал об этом кодексе, ограничивалось самим его названием.

В этот момент в салон как раз села секретарь Юань. С самым невозмутимым видом она открыла планшет, нашла текст и протянула его Тун Яню:

— Держи.

Делать было нечего. Он покорно взял планшет. Пробежав глазами первые строчки, Тун Янь поморщился. Читать этот пафосный текст вслух было выше его сил. Он предпринял робкую попытку договориться:

— Слушайте, тут в начале сплошная вода... Может, пропустим?

Не Чжэн одарил его таким взглядом, что Тун Янь мгновенно прикусил язык:

— Если бы не эти устои, где бы ты сейчас обретался со своей моралью? — отрезал покровитель.

«Ладно, ладно, хозяин — барин. Будет тебе политинформация».

Тун Янь мысленно вздохнул, собрался с духом и, стараясь придать голосу максимум выразительности, начал декламировать:

— Гордись любовью к Родине, стыдись вредить ей...

Не Чжэн слушал этот концерт с лицом сфинкса. В какой-то момент он едва заметно кивнул. Стоило в этот момент мужчинам снаружи получить этот знак, как они тут же пришли в движение.

В салоне автомобиля Тун Янь, уткнувшись в экран, усердно бубнил:

— Гордись служением народу, стыдись предавать его...

А за тонированным стеклом те же двое мужчин беззвучно извлекали из багажника связанного по рукам и ногам специального помощника Чэня. С кляпом во рту, он напоминал безжизненную куклу, которую деловито поволокли в сторону особняка. Зрелище было не для слабонервных.

Внутри машины Не Чжэн сохранял абсолютное хладнокровие.

Тун Янь продолжал читать чистым, звонким голосом:

— Гордись честностью и верностью слову, стыдись корысти и предательства...

В замкнутом пространстве салона царил образцовый, почти священный покой.

<http://bllate.org/book/18307/1755434>